

ВАСИЛЕОСТРОВСКАЯ ЛИНИЯ

Марина Лугавцова

Огненный пёс
и Васильевский остров

Марина Лугавцова

**Огненный пес и Васильевский
остров. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Лугавцова М.

Огненный пес и Васильевский остров. Сборник рассказов /
М. Лугавцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966884-4

300 лет живут на Васильевском острове представители семьи героя книги. Мы знакомимся с Леонидом Засуличем, его родителями и друзьями при невероятных обстоятельствах. Действие происходит в сумеречно-прекрасных архитектурных ландшафтах Острова, спасающего Леонида от неминуемой гибели на Шпицбергене. Не каждому жителю выпадает удача пообщаться с Гением места — псом Цербером, притаившимся около парадной лестницы Горного института. Леонид не просто знаком с античным стражем, а заслужил его дружбу.

ISBN 978-5-44-966884-4

© Лугавцова М.
© Издательские решения

Содержание

Белый лис	6
Аглая оторвала корешок, или Обет молчания	8
Крепость моя, или Свет невидимого солнца	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Огненный пес и Васильевский остров

Сборник рассказов

Марина Лугавцова

© Марина Лугавцова, 2019

ISBN 978-5-4496-6884-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белый лис

*Песец белой поземкой вился впереди,
выбирая для упряжки самый легкий путь.
Фарли Мозут. Следы на снегу*

Он неторопливо приближался, подчеркнуто равнодушно поворачивая голову в противоположную от меня сторону. Взгляд медведя рассеяно скользил по разноцветным крышам Баренцбурга, и казалось, зверь не видит и не замечает на своем пути остолбеневшей от неожиданности фигуры в ярко-красной куртке. Не хочет видеть – и не видит. Зачем суетиться на глазах жертвы прирожденному, опытному убийце, уверенно спускающемуся за пропитанием с верхушки полярной пищевой цепочки. Осознать, что ты здесь прямо сейчас, стоя у заледевшей морской кромки, превращаешься в добычу, – ой как непросто.

Я, Ленечка, примерный студент и залюбленное родителями до зеркального блеска чадо, через пять минут, хочу того или нет, должен впервые испытать обжигающее чувство реальности от разрыва человеческой плоти белым медведем – сыном легендарного Груманта. В прозрачном свете, пронизанном робкими солнечными лучами, мощная ссутулившаяся фигура хищника поразительно напоминала ожившую, белоснежно блестящую от глазури фигурку полярного медведя из мамулькиной фарфоровой коллекции.

Знаменитый ленинградский фарфоровый завод еще с конца 20-х годов прошлого века успешно наладил выпуск продукции на полярную тематику. «Медведь сидящий», «Медведь стоящий» и «Медведь идущий» пользовались огромной популярностью у горожан во времена активного освоения Арктики и до сих доживают век в современных студиях и интерьерах квартир дореволюционных домов с парадными петербургскими фасадами.

С детства мне особенно запомнился один экземпляр из богатейшей маминой коллекции. Тринадцатисантиметровое создание художника Василия Блохина уверенно стояло на первой линии домашней витрины, упираясь фарфоровым носом в полированное стекло. Взгляд неподвижного короля Арктики, сколько себя помню, всегда надменно следил за моими передвижениями по комнате. Благодаря его пронзительному взгляду я научился ловко выбираться из манежа и ползком добираться до витрины. Держась за две круглые бронзовые ручки, с трудом понимался на ноги, чтобы прижаться носом-пуговкой к медведю с наружной стороны стекла. Время шло, и настал момент, когда я, проходя мимо, смог бы запросто щелкнуть медведя по носу. Мог, но никогда не пытался так делать.

Несмотря на скромные размеры, мастерски созданная фигура, казалось, удерживала внутри себя чудовищно сжатую пружину, энергия которой поразительным образом подавляла мощь идущих, стоящих и сидящих декоративных медведей, почтительно толпящихся около моего полярного Наполеона. В данную минуту оживший шедевр малой скульптурной пластики не менее убедительно подавлял все сущее в пределах гигантского ледяного архипелага, не исключая горы с символическим и непобедимым названием – Пирамида.

Моя печальная участь не являлась уникальным событием между 76°26» и 80°50» северной широты и 10° и 32° восточной долготы. На Шпицбергене довольно регулярно случались «неожиданные» нападения медведя на человека. Информационное пространство мира откликлось мгновенно, генерируя всплеск интереса к трагическому происшествию. Оно ликovalo, если удавалось спасти жертву, или занудно подвывало на всю Ивановскую, сожалея об участи очередного господина Несчастливцева, надолго приклеивая его имя, как дохлую муху, к своим информационным лентам-липучкам. Мне не хотелось становиться очередным трофеем бездушной машины и навеки превращаться в «товарища Б., попавшего под лошадь».

– Подарите же мне забвеньё, – послал я последнее проклятие будущим стервятникам, – ради всего святого, люди вы или кто...

– Ленечка, Ленечка, лисонька моя любимая! – внезапно услышал я далекий голос родного существа. – Не думай о писаках этих, сейчас убежим от горя этого горького, держись, сын, авось управимся.

– Мама, не причитай ты, – послышался глухой взволнованный шепот папы Вовы. – Подпрыгни легонько и хватайся за руку, лисенок, мы с мамой твоей вытащим.

– Папка, не получается, – прошептал я. – Не вижу вас. Где вы?

– Да и не надо видеть-то. Мы же здесь, Ленечка, родители твои, примчались на нашем Васильевском острове. Оторвали кусок до набережной – и к тебе помчались. Скорости-то у него, родимого, побольше, чем у этой грязной шкуры. Зверь еще идет, а мы уже здесь. Ну-у-у, быстрее. хватайся за руки, сынок. Как можешь, так и хватайся. Нет больше времени у нас.

Времени действительно не было. Испарилась по капельке, по секунде и мгновению невидимая материя. Не рассчитали немного родители – рядом, совсем рядом беда незваная оказалась. Уже земля прибрежная затряслась от мерного шага командора полярного, уже рука, протянутая в никуда к высокому небу, упала бессильно. Разбились пальцы о наждак прибрежного камня. С вещами на выход тебе, Леня, – голову в кустах не спрячешь. Вроде кто-то к темечку сзади прижался, и дыхание легкое на шее – поцелуй последний материнский почувствовал.

– Ааааа! – закричала мама, пытаясь затормозить песчинки последние в часах судьбы. – Лисонька моя! Лисонькааааа!

Эхо гулко отбило последний звук детского прозвища, и я закрыл глаза, приготовившись к неизбежному. Через три секунды томительного ожидания мой правый глаз легонько открылся и увидел прямо у кончика побелевшего носа неподвижный профиль медведя, тающий в облаке тяжелого смрадного дыхания. Зловоние катилось на меня прибрежной волной с тяжелым присвистом и одышкой. Раз, два, три... На четвертой волне дыхания горящий глаз на мгновенье замершего зверя уже не следил за мной. Он, как прожектор, осветил новую жертву – несчастную белую лисоньку, неосторожно выглянувшую из-за прибрежного валуна.

Чтобы сбить внутреннюю трясучку, я глумливо хихикнул про себя: «Вот ты и увидел, дружище, напоследок, как белый песок приходит к брату своему по несчастью». Через мгновение тонкий буравчик стыда завибрировал по вспотевшей коже, помогая прийти в себя и остаться человеком. «Прости, – закричал я, – прости, мой белый лис Кемпик». Из какой-то книги, читанной в далеком юннатском прошлом в Аничковом¹, выскочило имя преданного четвероногого друга, не раз спасавшего от смерти своего хозяина Ангунтну²: «Прости, бело-снежное чудо, за слабость мою в сетях ловчего...»

Медведь чуть развернул тушу в сторону валуна и бодро притопнул лапой по заскрипевшему насту. Мне почудилось, что он слегка кивнул своей новой жертве, как бы давая отмашку к началу главного события его песцовой жизни. Затем, не поворачивая головы, он искоса посмотрел в мой правый глаз и, развернувшись, в три прыжка достиг убежища лиса.

Зазвучала музыка небес. Белый лис расстался с жизнью и навеки поселился в моем сердце.

21-я линия В. О.

4:18

5.08.2018

---

¹ Аничков дворец – бывшая резиденция Александра III, бывший Дом пионеров, ныне Санкт-Петербургский городской дворец творчества юных.

² Герой рассказа канадского писателя Фарли Моуэта «Следы на снегу» о жизни эскимосов-инуитов.

Аглая оторвала корешок, или Обет молчания

Тишина.

*Слушай, сын, тишину —
эту мертвую зыбь тишины,
где идут отголоски ко дну.
Тишину, где немеют сердца,
где не смеют поднять лица.*

Федерико Гарсиа Лорка
Поэма о цыганской сигарийе

После студенческой практики на Шпицбергене существование Леонида как-то сразу и необратимым образом изменилось. Началась совсем другая жизнь для дружной семьи Засуличей. Уже в первый же вечер под родной крышей, войдя в гостиную, Леня обнаружил, что мамина коллекция фарфора сиротливо съежилась до размера одной полочки, а все остальные полки массивной витрины на львиных ножках заполнились плотными рядами каталогов и иллюстрированных изданий по искусству. Коллекция лишилась значительной части полярного фарфора. Бесследно исчезла вся колоритная живность, в том числе фигурки десятков белых медведей, не исключая любимого злодея с окровавленной пастью и шутовым прозвищем «принц датский» от знаменитой фирмы Dahl Jensen – доставшегося в наследство от бабушки Лели.

– Мама, – закричал Леня с игривой интонацией, обнимая ее за плечи, – ты сбагрила свои сокровища на Удельную!³

Мама не отреагировала на шутку и, осторожно отстранившись от объятий, скучным голосом объяснила, что коллекция распродается потихоньку, а ее сейчас больше интересует английская собачья серия. Необъяснимое равнодушие наотмашь ударило Леонида, как захлопнувшаяся дверь перед носом нежданного гостя. Чуть позже, скупко поговорив обо всем понемногу, они молча пили зеленый чай с кедровыми орешками, почти не замечая друг друга. Леня сидел, не в силах пошевелиться, и наблюдал, как мама за столом увлеченно читала новый номер журнала «Нева» и мелодично звенела ложечкой, зачерпывая клубничное варенье из хрустальной розетки. Хрустальный звон не прекращался ни на минуту. Леня впервые почувствовал, как мама тихонечко, «на цыпочках» отдалается от него, на ходу позванивая в хрустальный колокольчик: «Ау, где ты, мой маленький мальчик. Я ухожу тебя искать».

С отцом тоже происходило неладное. Папа Володя вдруг рьяно занялся своим здоровьем и стал бегать утром по набережной, как говорил, «соревнуясь в скорости с первыми лучами солнца». Кроме лучей солнца, с некоторых пор отца стал сопровождать в его пробежках почтенный корабельщик Вениамин Петрович Крылатский – житель углового дома на Большом проспекте. Его влияние на мягкую и податливую к новшествам натуру отца было грандиозным. Он уговорил папу Володю смастерить летние лыжи на колесиках и приступить к совместным тренировкам по маршруту «От ледокола до крейсера»⁴, по строгому научному графику. Крылатский следил за выполнением плана фанатично и трепетно. Два раза в неделю тренировки проводились по вечерам. В местах большого скопления народа.

– Да, да, батенька, будет чрезвычайно полезно перед сном сбросить избыточную негативную энергию, а на насмешников этих, «каликов прохожих», внимания не обращайтесь. Пустое. Главное – результат тренировок, – задушевно ворковал Вениамин Петрович, бросая с пирса пригоршни крошек избалованным уткам.

---

³ Крупнейший в Санкт-Петербурге блошинный рынок в районе внутригородской железнодорожной станции «Удельная».

⁴ От ледокола-музея «Красин» на набережной лейтенанта Шмидта до крейсера «Аврора» на Петроградской набережной.

– Еще и супружницу вашу уговорим к нам присоединиться. Да не пугайтесь вы так! Попозже, я говорю, позже...

Однажды, возвращаясь домой после занятий, Леонид увидел на набережной две знакомые фигуры на лыжах, яростно стучащие палками по асфальту. Фигуры, сгорбившиеся от напряжения, светились от фотовспышек, а рядом со спортсменами суетились туристы и пассажиры двух пришвартованных к причалу круизных лайнеров. У Лени на душе стало грустно. Несчастный отец. Печальное зрелище. Убегает куда-то на лыжах. Как ножи к ногам привязал и кромсает безжалостно свои застарелые комплексы от бессилия и ярости.

Уже через три месяца после студенческой практики Лене не то что говорить, а вспоминать не хотелось о фантастическом путешествии родных спасателей, оседлавших Васильевский остров. Он, как отец на лыжах с колесиками, убегал от чувства мучительного стыда и непонимания. Зажмурившись, отгонял Леню воспоминания о своем жалком блевании скотинки на закланье перед медведем Груманта и о родителях, умудрившихся спасти его каким-то неизвестным способом, предпочитал не думать. Казалось, они расплатились за спасение сына самым заветным сокровищем, и теперь в наказание предстоит им растерянно блуждать по лабиринту в поисках выхода до конца жизни. Зачем же они притворяются, что у них и сына-то как будто нет? Перед защитой диплома обиженный Леонид собрал вещи и съехал на съемную квартиру.

***

Леня всегда знал, что ему сказочно повезло с родителями. Благородные, как пара журавлей в небе, родители воспарили над окружающей действительностью, пока внизу крушили и ломали в хлам Империю, безжалостно отгрызая по кусочку, как кошачий хвост, зарплату двух опытных архивариусов. Все можно отнять у беззащитных, абсолютно все, кроме душевного здоровья, взаимной любви и родного гнезда. Невероятное притяжение друг к другу давало им силу раз за разом поднимать две пары крыльев, надежно защищая птенца Ленечку от невзгод.

После окончания университета Володя и Олечка, еще до рождения сына, дружно пошли служить, как торжественно говорил отец, в архив «аж самой Академии, единственной и неповторимой, Академии наук великой России⁵». «Запомни, Лисенок, тебе еще когда-нибудь пригодится наша служба в архиве», – говорил папа Володя чуть иронично, чтобы скрыть легкую грусть, иногда интонируя на словах «бескорыстное служение», мягко намекая на финансовые проблемы. Как ни странно, но Леониду действительно помогло без лишних волнений, но вполне заслуженно поступить на бюджетное место геофака романтическое присутствие родителей под кличкой «влюбленные голубки» в далеком студенческом прошлом нынешней университетской профессуры.

Леню особенно не напрягал, хотя изрядно веселил тот факт, что ежедневное совместное существование родителей на работе и дома накладывало неизгладимый отпечаток на их семейное общение. Запершись в съемной студии на Кораблях⁶, он часто вспоминал уютную гостиную с круглым столом посередине. Над столом низко висящий ярко-оранжевый абажур, плавно опускающийся на двух массивных готических цепях, прикрепленных к бронзовому диску с тремя плафонами матового стекла в виде знаменитых ватиканских шишек, и склонившиеся друг к другу в круге света макушки родителей.

«Смолкина невыносима, она думает, что никто, Володенька, никто не замечает, как она увиливает от своей номенклатуры дел», – тихонько жаловалась мама Оля, а отцу и не надо

---

⁵ Ныне Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

⁶ Улица Кораблестроителей расположена в западной части Васильевского острова. Многоэтажная застройка.

долго пересказывать подробности злодеяний коллеги; и он, как всегда, понимающе покачивает головой, во всем соглашаясь с мамой.

Правда, один раз папа все же не на шутку всколыхнул уютное болотце взрывом неконтролируемых эмоций. В первых апрельских вечерних сумерках Леня с мамой Олей чудесно коротали время за любимыми занятиями. Леня играл в настольную игру «Гриболов». На подоконнике большого венецианского окна были расставлены деревянные грибы с красными и коричневыми шляпками для ловли их небольшим приспособлением с петелькой на кончике. Мама рядом с ним тщательно очищала от пыли отборные экземпляры своей фарфоровой коллекции. Отец, по непонятной Лене причине, где-то задерживался. Внезапно дверь с грохотом распахнулась, и в гостиную рысью вбежал папка Володя с громким криком: «Аглая оторвала корешок!»

Мама вскочила со стула, выронив из рук статуэтку тысяча девятьсот тридцать восьмого года «Папанин с лайкой Веселый на льдине». Часть льдины с лайкой и левой рукой полярника откололась – но родители, не замечая беды, замерли, негодуя в экстазе сопереживания от последствий преступления Аделаиды Смолкиной. Леня тоже замер, прижимая к груди удочку. В его мозгу впервые ярко и болезненно загорелся незнакомый ему рунический знак Совило: «Аглая, – грозно зарычал чей-то бас, и огненная линия в его сознании послушно метнулась вниз, – оторвала, – бас еще громче воззвал к небесам, и линия плавно взлетела вверх, – корешок», – победно заурчал на падающей интонации внутренний голос шалашинским басом – и линия огненного знака, закрутившись вокруг тела отца, упала вместе с ним вниз.

В тот далекий вечер огненный зигзаг пророческой фразы впечатался в детское сознание, как знак неизбежного краха всего, что построено людьми на краю бездны. Какой корешок – реликтового фикуса, чудом пережившего блокаду, или корешок переплета ценного издания – оторвала злодейка – уже не являлось то важным для семьи Засулич.

Свершилось главное. Аглая включила тревожный счетчик неизбежной разлуки, приступив к ежегодному пропальванию корешков последних растений Ленкиного василеостровского Эдема. Уже после семейной поездки в Баренцбург Аглая ухитрилась оторвать последний корешок родового дерева семейства Засулич и порубить его, как водится, на мелкую лучину забвения.

Прошел еще один месяц семейной смуты – Леня постепенно привык к одиночеству. Родители как будто жили не на двадцатой линии, в нескольких остановках от его нового жилища, а на другой планете. Редкие звонки по «межгалактическому оптоволокну», короткие встречи с отцом во время его пробежек на набережной и светские беседы ни о чем за редкими чаепитиями с мамой. Вот и все, что теперь связывало их семью.

На первое мая Леня все же решился прорвать барьер непонимания и наведаться в родное жилище под знаменем мира и с надеждой воскресить прежние отношения. Накануне визита он разработал недурственный план. Вроде бы принял он решение о визите спонтанно: «Мимо проходил, дай, думаю, зайду». Накупив в кондитерской сладостей, Леня с волнением зашел в знакомый подъезд. Открыв входную дверь, громко, предупредительно лязгая ключами, переступил порог и погрузился в гулкую тишину заброшенной квартиры. Вскоре послышалось слабое шарканье чьих-то ног по паркету, и в дверях спальни появилась неопрятная фигура отца. Его лицо заросло реденькой щетиной, новый спортивный костюм, покрытый грязными подтеками ржавого оттенка, ярко отсвечивал катафотными линиями в темноте коридора.

– Сынок, ты пришел наконец. Мама просила...

– О чем ты, папка? – прошептал Леня и инстинктивно подвинулся поближе к входной двери.

– Пойди к ней, Лисенок...

Леня отклеил спину от двери и заставил себя пойти в родительскую спальню. Фигура мамы, скорчившись в последнем усилии вырваться из цепких лап бездны, привалилась к свернутому матрасу у края кровати.

– Чтобы не упала, родимая. Матрасик из-под нее вынул и приспособил. Уж очень билась, как птичка в клетке, – шелестел у него за спиной папин ровный голос.

– Подкосило ее у витринки. Опять вчера всю припрятанную Арктику достала из ящика, долго плакала. Надорвало сердечко без тебя. Крепись, а обет во спасение держи. Все для тебя, Ленечка. Потом удар. Врачи приехали на скорой, иголками по ногам потыкали для проверки рефлексов, повздыхали. А она уже и вздохнуть-то не могла. Вот мы и дышали вместе около матрасика. Сколько могли – столько и дышали. А вот отойти тебе позвонить не смогли уже.

Леня не заметил, как отец погладил его украдкой по руке, легонько прикоснувшись к плечу, и вышел из комнаты. Вскоре откуда-то издали послышался хлопок закрывающейся двери. С трудом возвращаясь к реальности, Леня краем сознания уловил, что из квартиры вышел отец. Куда мог пойти человек, которому некуда идти?

Леня выпустил из рук мамину ладонь с тоненькими белоснежными фарфоровыми пальчиками и бросился искать отца. Город на миг замер. Леня добежал до Большого проспекта и непроизвольно посмотрел вверх, не понимая, откуда струится неземной красоты перламутровый свет, размывающий привычные очертания знакомых с детства зданий. Туманный, молочный свет, поглощая все на своем пути, змеился вверх, образуя воронку около верхушки громадной пожарной каланчи, первобытно возвышавшейся на нечетной стороне проспекта, как земная Сигирия⁷, цейлонская скала непобедимого льва. Леня ясно увидел стоящего на вершине человека. На верхней площадке башни стоял отец. Взобравшись на перила, он раскинул руки и, как журавль, полетел в небо.

Бьется о смуглые плечи
бабочек черная стая.
Белые змеи тумана
след заматают⁸.

*21-я линия В. О.
10:11
7.08.2018*

---

⁷ Сигирия – «скала льва» на о. Цейлон.

⁸ Федерико Гарсиа Лорка. Поэма о цыганской сигирийе.

Крепость моя, или Свет невидимого солнца

Все память возвратить готова:

Места и лица, день и час, —

Одно лишь не вернется снова,

Одно, что дорого для нас.

Из Лонгфелло («Все память возвратить готова...»)

В. С. Соловьев

Я открыл глаза и ловко выскочил из постельной ловушки. Никакой хандры. Бодрость духа и готовность к подвигам. Каюсь – не каждый день имею такое боевое настроение. Не каждый... Но сегодняшним утром все мои мышцы заряжены нечеловеческой энергией и громко кричат своему хозяину: «Вставай, лежебока! Ты уже готов начать новую распрекрасную жизнь, скинув с корабля современности груз прошлых ошибок».

Что ж, вызов принят. Долой бессонницу и ежедневный бессмысленный скроллинг перед мерцающим экраном компьютера. С сегодняшнего дня планирую только наступательное движение вперед своей мышечной массы и ментальной силы. Только вперед, до победного финиша. Должен же кто-то стать первоклассным специалистом и успокоить мятежное сердце, что я, Леонид Засулич, без пяти минут аспирант и хороший человек, не просто так хожу по земле, а приношу пользу и имею с благородного занятия наукой приличный доход.

На воскресенье в квартире самого уютного дома кирпичами «наизнанку» рядом с щегольским конструктом упокоенного перестройкой ВАМИ⁹ на двадцатой линии Васильевского острова запланирован большой раскардаш. А именно – превращение бывшей спальни родителей в кабинет молодого ученого Леонида Засулича.

Еще в начале недели к стене в коридоре, около резной рамы фамильного зеркала «в потолок», я прикрепил листок с планом боевых действий. Пункт первый гласил – вынести из комнаты двуспальную кровать, пункт второй заставлял подтащить массивный письменный стол поближе к окну и принести из коридора в комнату опустевшие после сдачи домашней библиотеки в «Букинист» стеллажи для книг. Третьим пунктом я рекомендовал себе вечерний полноценный отдых и ночной релакс перед началом рабочей недели.

«Каким должно быть идеальное место для упорных занятий наукой?» – с пафосом задал я себе вопрос и закрутил тело с болтающимися, как макароны, руками в карикатурном волчке на триста шестьдесят градусов. Ответ Вселенной не заставил долго ждать. В голове медленно проявился пока еще не совсем правдоподобный, но привлекательный образ сумрачного кабинета Фауста в сочетании с фееричной творческой лабораторией, посередине которой бьет мощный фонтан идей. «Согласен!» – крикнул я великодушному небу, задрав подбородок к высокому потолку. Ну что ж, будущий академик Засулич, не волнуйтесь за свое будущее, план готов – пора приступать к реализации.

---

⁹ Всесоюзный алюминиево-магниевый институт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.